

СОДЕРЖАНИЕ

Введение13

О сущности выдвигаемой антропологической поэтики — Об исследовательском подходе автора — О собирании и введении в научный оборот новых материалов — О выдвижении феномена Есенина в русской культуре

Глава 1. Свадьба у Есенина27

Народный свадебный обряд как литературный первоисточник — Особенности народной свадьбы в Константинове: свадебный сезон, многочисленность ритуальных действ — Участие Есенина в свадебном ряжении — Свадебная история есенинского кольца с изумрудом — Преломление каравая на свадьбе — Традиционность подхода Есенина к сватовству — Родительское благословение и барское сватание — Гражданский брак с А. Р. Изрядновой — Церковное венчание с З. Н. Райх — «Свадьба убегом» — Брак по закону и в художественном произведении — Неузаконенное супружество с Н. Д. Вольпин — Невенчаная свадьба с Г. А. Бениславской и кокошник — Свадебные приметы — Оформление брака с А. Дункан по советским и зарубежным правилам — Мальчишник — Отголоски древнего свадебного чина конюшего — Свадебный пир с С. А. Толстой — Софья Толстая и день святой Софии — Женильба на «фамилии» — Образ свадебной елочки — Мировоззрение в замужестве — Грозные народные предзнаменования — Сватовство к знаменитости — Величание супругов — Свадебное время — Брачное законодательство 1918 года — Брачная фамилия — Отношение к «красной свадьбе» — «Брачная наследственность» — Намерение жениться на А. А. Сардановской — Ирония над браком — Свадьба как «вечная тема»

Глава 2. Символика кольца и свадебная тематика у Есенина и в фольклоре Рязанщины83

Кольцо в свете собственной женильбы — Святочные гадания по кольцу — Обручение в православии — Мифологическая символика кольца — Литературная символика кольца — Народные необрядовые песни и частушки о кольце — Развитие свадебной символической кольца — «Обручальная овца» — Курьезы с обручальной символикой кольца — Свадебные мотивы в «несвадебных» фольклорных жанрах — Об истории свадебного вопроса — Письма на свадебную тему — Цитация свадебной терминологии — Солярно-лунарная мифологическая трактовка свадьбы — «Свадебный чин» в мироздании и природе — «Радость» как древний свадебный термин — Фигура голубков (и голубки) на свадьбе — Свадебный мотив открывания две-

рей (ворот) — «Свадьба-похороны» — Народная свадебная терминология в «Девичнике» и «Плясунье» — Тема свадебного пира — Ритуалы «ладиться» и «свадебная баня» — Литературные первоисточки свадебных мотивов у Есенина — Переосмысленная свадебная лексика — Словесные «свадебные метки» — Спектр свадебной тематики в частушках — Свадебное путешествие — Свадебная терминология в новой сфере употребления — Свадебная терминология в прямом смысле

Глава 3. Образ ребенка в творчестве и жизни Есенина 131

О художественном образе ребенка — Художественные произведения как подарки Есенина младшим сестрам — детям — Реалистическое, символическое и неомифологическое описания детства — Символичность и автобиографичность мотива рождения ребенка — Авторская терминология и образцы народного обращения к детям — Тема божественного надления ребенка судьбой — Образы детской кроватки как первого земного приюта — Богородичные мотивы в воспитании ребенка — Мотив рождения в фольклоре — Божественный Младенец и богоподобный ребенок — Взаимоотношения обычного мальчика с Божественным Ребенком — О происхождении Божественного Ребенка в христианстве и мифопоэтике Есенина — Обожещаемый ребенок в революционную эпоху — Мотив неузнанности и жертвенности божественного ребенка — Есенинские и народные обозначения божественного и обычного ребенка — Детская возрастная терминология и проблема сути возраста — Постигание детской психологии. Взросление лирического героя — Проблема детской беспризорности — О «законных» правах детей в Есенинскую эпоху — Нюансы взросления ребенка — Образ блудного сына — Внимание к собственным детям и «Сказка о пастушонке Пете...» — Трепетное отношение к малышам — Ощущение себя ребенком — О «типологии детства»

Глава 4. Мужские поведенческие стереотипы в жизни Есенина 196

О мужской ипостаси национального характера — Лики и личины мужской судьбы — Необыкновенное рождение как знак судьбы — Имянаречение как провозвестник будущего — Вера в предсказания и приметы — Этапы детства как витки цивилизации — Рыболовство в жизни и творчестве Есенина — Мальчик-пастух как исторический сколок пастушества — Мальчишеские игры и драки как подготовка к взрослой жизни — «Инициационные обряды». Разбойник как притягательный и устрашающий мужской тип — Драчливость во взрослой жизни как отголосок мальчишеских притязаний — Нож и камень как древнейшие виды мужского вооружения. Боевые кличи — «Мужские звери» как отголоски половозрастного тотемизма: конь и волк (собака) — Тяга к «темным силам» — Ругательная лексика

ка как наступательный прием — Курение как приобщение к контингенту взрослых — Поиск мужского кумира и идея избранничества (часть 1-я): Дед и Христос — Поиск мужского кумира и идея избранничества (часть 2-я): Пушкин как литературный идеал — Высвобождение из-под родительской опеки — Сотворение нарочитого кумира из собственной личности — Притягательность отрицательного персонажа — Армия в жизни Есенина — Ведение войны как жизненная позиция мужчины — Мужчина — покоритель пространства и нарушитель границ — Странничество как обход владений и одновременно поиск себя

***Глава 5. Традиционные ментальные закономерности в «жизнетексте» Есенина* 272**

О формировании «городских черт» маскулинности — Особенности юношеского ухаживания и сугубо мужские предметы в руках героя-мужчины — Мужчина в поисках невесты и в ситуации сватовства — Мать как женский идеал глазами мужчины, естественным образом противопоставленный им себе — Ипостаси образа матери: Божья Мать, родина-мать, природа-мать — Богатырство «культовой фигуры» в неомифологии XX века — Идея побратимства — «Посвятельные ритуалы» и клятвы в становлении мужчины — «Вождизм» и основание новой эры — Самореализация мужчины под эгидой всеобщего строительства — Пахарь и сеятель — Мельник как излюбленный персонаж — Внимание к технике — Создание тайны как ключевого жизненного и творческого принципа — Строптивный характер в конфликте с властью — Увековечение личности в культовой скульптуре — Мотив жизненного увядания и похороны по-мужски — Немного итогов

***Глава 6. Поэтизация телесности: способы организации «поэтики тела»* 328**

«Телесно осуществленный символ» — Символика тела как культурологическая проблема — Образные подходы к опредмеченной телесности в русской литературе и фольклоре — Об авторской поэтике человеческого тела — Построение Есениным опредмеченной телесности по фольклорным моделям — Идея всеобъемлющей телесности в начале XX века — Предшественники Есенина, повлиявшие на создание его «телесной поэтики» — Многоаспектность поэтики телесности у Есенина — Авторские филологические дефиниции поэтики телесности — Структурные и стилистические задачи поэтики телесности — Традиции русского фольклора в телесной образности — Влияние разговорного пласта и литературной метафоричности телесной образности начала XX века на авторскую поэтику — Растительно-животная телесность человека как показатель его слиянности с природой — Кровь как ведущая жизненная субстанция — Телесность как

мерило общности человека и животного, растения, космоса — «Телесность растения» как аналог человеческого тела — Почерк как атрибуция души — Тело как источник творческого моделирования — Вселенский масштаб человеческой телесности — Тень от тела человека — Есть ли тела у духов? — Телесная поэтизация нечеловеческих существ (например, животных)

Глава 7. Поэтизация телесности: «телесная душа» и составляющие тела 364

«Телесная душа» у Есенина — Ипостаси человеческого тела — Изменчивая физиология тела: плоть и скелет — «Посудный код» тела — Соотнесенность есенинских вариаций образа головы с фольклорными — Лицо — Глаза — Рот — Волосы — Уши, шея — Сердце — Грудь, спина, плечи — Руки — Ноги — Телесность человеческая и предметная

Глава 8. Тема одежды в творчестве Есенина 433

Одежда как объект поэтики и атрибут цивилизации — Кто носит одежду в фольклоре и литературе? — Одежда как символический атрибут и обязательная принадлежность человека — Роль одежды в обозначении эпохи и сути художественного произведения — Одежные омонимы и дериваты, образующие не-одежное семантическое поле — Нормативность способов ношения и изображения одежды — Первое ритуальное надевание одежды — Идея перевоплощения с помощью одежды — Выражение родства с помощью одежды — Научные подходы к «поэтике одежды» Есенина — Художественные аспекты поэтики одежды — Народный костюм как начало «поэтики одежды» Есенина — Типология одежды — народная и авторская — Умение одеваться как жизненный принцип культурного человека — История одной детали одежды в разные периоды жизни Есенина — Роль одежды в жизни и смерти человека, а также антропоморфного существа — «Смертная одежда» в народной практике — «Смертная одежда» в художественном творчестве — Национальные и региональные типы одежды на Руси — Иноэтническая одежда в творчестве русского национального поэта — Иносказательность в одежде — «Одежда», которая одеждой не является — Импровизации с одеждой — Тематика одежды как поэтизация телесности — Афористичность обрисовки одежды — Включенность элементов одежды в этикетную жестикуляцию — Способы ношения одежды — Одежда персонажа как показатель социального статуса — Противопоставление одетости и наготы персонажа — Обобщенная характеристика одетости через цвет — Костюмированность как сокрытие истинного облика — Применение одежды для далеких целей — «Одежное» словообразование — Принципы подачи образов одежды в авторской и фольклорной поэтике — Природно-мифологическая трактовка одежды — Символика одежды

у растений — Покров: тип одежды и средство символизации — Пример обычной одежды: рубаха — Одежда священнического типа: риза, ряса и др. — Особенности одежды богомольцев — Символика белой одежды

Глава 9. Одежда как художественная характеристика 488

Темпоральные характеристики одежды — Шуба как сезонная и ритуальная одежда — Шапка как главный мужской головной убор — Другие мужские головные уборы: папаха и башлык — Шляпа — Фуражка — Картуз — Цилиндр — Кепи — Лента как основной вид девичьего убранства — Платок — Шаль и полушалок — Понёва как внесезонная региональная женская одежда — Сарафан как девичья одежда регионального типа — Порты, штаны, брюки как набедренная одежда — Части одежды в литературном приеме персонализации — Материал для изготовления одежды — Отражение этапов производства одежды в авторской поэтике

Глава 10. Петух — курочка — птица в творчестве Есенина в связи с русской духовной культурой

и фольклором села Константиново. 523

Петушина образность как частное проявление птичьей символики — Первоисточники петушиной образности у Есенина — Петух как хронометр — Петух в народной культуре — Петух как олицетворение забияки — Петух в народной сказке — Петух как элемент крестьянского декора — Петух как оберег — Петух в святочном гадании — Петух как свадебный атрибут — Свадебные кушанья с петухами, курами и куриными яйцами — Пасхальные куриные яйца — Есенинские вариации на тему «Курочки рябы» — Петух в магической практике — Петухи и куры как маркеры патриархального быта — Петух в роли горлана-поэта — Громогласный петух народных песен, детского фольклора и частушек — Мотив отрубания головы курице — Обрядовое ряжение и жестикуляция, связанные с курами — Петушина образность в творчестве писателей-современников — Афористичность изображения петуха — Петушиные крылья и «ангельские крыла» — Птичьи (петушиные) черты внешности Есенина — Окрыленность как характеристика персонажа — Крылатая мельница — «Голова моя машет ушами, Как крыльями птица»

Глава 11. Обращение к античности в творчестве Есенина . . . 565

«Ведь не Еллинские боги горшки обжигают...» — Истоки образа Ленина в античности — Покорение мифологических гор — Увлечённость античной литературой — Духи природных стихий — Буколические мотивы — Образ пряжи — Античность и Первая мировая война — Гермес Трисмегист — Античные боги и мифология земного шара — «...Кажусь я циником» — Древнегреческий крылатый конь —

Реликты античной культуры — Атланты и музы современности — Тема «Eхegi monumentum» — «Античные фигуры» XX века — Дыхание далекой античности: Айседора Дункан

**Глава 12. Москва в творчестве и жизни Есенина:
образ столицы и реальный город** 590

Первый приезд в Москву и поселение в городе — Москва в «Марфе Посаднице» — Москва в «Инонии» и «Пугачеве» — Москва в «Песни о великом походе» — Москва в «Стране негодяев» — Москва как большой литературный этап в жизни Есенина — Письма Есенина о Москве — Период «московского хулиганства» — Москва в 1924—1925 гг.

**Глава 13. Московский имажинизм
в «зеркале» одного документа** 602

Архивная находка — Рыцарь в латах и «фамильный склеп» — «Русского имажинизма Янус» — «Сусанна Мар... с точеным лицом и неплохими стихами» — Терминология имажинизма — От Библии — к имажинизму — Зарождение имажинизма. Последующий распад группы имажинистов — Имажинистский Пугачев — «Тайны Имажинистского Двора» — «Мы, верховные мастера ордена имажинистов...» — Обрядность имажинистов — Идеи братства и строительства — Склеп как корабль — Тема успения — «Лошадиная символика» — «Лошажьи души» в «Заговоре дураков» — Имажинизм как «поэтическое ряжение» — К этимологии «м'ордена» — О художественной стилистике смерти

Глава 14. Есенинская топономика 641

Топонимы как метки пространства — Структура топонимов — Классы топонимов у Есенина — Название школы как урбаноним — Топонимы в школьных упражнениях — Топонимы на географической карте — Библейские топонимы — Христианские топонимы в фольклоре родного села — «Топонимические» частушки и песни — История мира в смене топонимов — Вехи личной «топонимической истории»: Первая мировая война и заграничное турне — Путешествия как способ топонимических изысканий — Россия и США — контрасты географии — Топонимы западной цивилизации — Топонимическое словотворчество — Родина в топонимах — Советская топономика — Столичные топонимы: Москва и Санкт-Петербург — Космонимы в концепции космизма — Медведица как космический топоним — Млечный Путь — небесная дорога — Предчувствие «эры Водолея»? — Звезды и планеты — Инония — небесная страна — мироустройство наших предков в топонимах — Особенности топонимической поэтики — Топонимы, овеванные литературной славой — Антропонимические топонимы — Баргузин — что за топоним? — Топо-

ним как источник сюжета — Оказиональные географические обозначения — Культурный ландшафт и топонимы

**Глава 15. Есенинские строки в культурной традиции:
момент взаимовлияний** 682

Мировое значение писателя — Мифологизация имени Есенина. Поэт как типологическая модель — Мировая литература как источник детских игр — «Двойная прописка» Есенина в русском фольклоре — От пушкинского «шушуна» до квазиесенинского «чешуна» — Из «переписки» Есенина с матерью, или Особенности народного песенного творчества — Фольклорные и литературные истоки образа «дойного быка» — Древесная тематика «есенинских переделок» — От темы девичества в фольклорных переделках «под Есенина» — к «садистскому стишку» — Фольклорная история «о пастушонке Пете» — «Два-три полунекдота» о Сергее Есенине — От поэтической стилизации — к центонности: часть 1-я (от А. Финкеля...) — От поэтической стилизации — к центонности: часть 2-я (...к Т. Кибирову) — «Есенина касающиеся литературные пародии и эпиграммы» — «Интеллигентский фольклор» и Есенин в компании НЛЮ-навтов — Есенин как вызываемый дух «страшных гаданий» — Проблема заведомо ложного «Dubia» с точки зрения фольклориста — «Слухи и толки» о есенинских реалиях. Проблема «народного комментирования» — Мемораты о Есенине — Фольклорные ситуации, создаваемые исследователями — О «фольклорном возрасте» Есенина как «неокультурного героя» XX века — «Поэтический венок» Есенину как разговор с фольклорным кумиром

Глава 16. Фигура Есенина в русском фольклоре 742

Этнографичность фигуры поэта — Особенности жестикуляции и декламации Есенина — Типологичность запечатления Есенина в скульптуре — Многообразие жестикуляции рукой: от целования ручки до угрозы — Запечатленность есенинских жестов: от воспоминаний и фотографий — к прямым потомкам — Игровое начало в характере Есенина — Наречение именем и традиционность прозвища — Прозвищеподобные образы — творческое самопредставление — Есенин — культовое имя — Народная канонизация — Обиходные предметы — современники и «очевидцы» Есенина (о махотке) — Есенин в народных преданиях — Крестины по-есенински — Игровое моделирование свадьбы — Похоронная обрядность в жизни Есенина — Фольклорные версии о кончине Есенина

Заключение 788

<i>Примечания</i>	792
<i>Концепты художественного творчества Есенина</i> <i>Указатель.</i>	884
<i>Перечень заставок к главам и условные сокращения</i>	917

ВВЕДЕНИЕ

К 111-летию со дня рождения С. А. Есенина

Для знающих пишут не листовки,
а книжные исследования¹.

В. Г. Шершеневич

О сущности выдвигаемой антропологической поэтики

В основе любого художественного произведения, в его центре находится человек. Не случайно критический обзор и литературоведческий анализ начинаются с выяснения авторской позиции писателя; пристальное внимание обращается на образ повествователя, лирического героя, alter ego автора — то есть в первую очередь на *человеческую фигуру*. Художественные персонажи рассматриваются как разнообразные *людские типы*, порожденные историческим временем и литературным направлением, поэтической школой: известны *человек эпохи Возрождения*, «*лишний человек*», «*маленький человек*», *обыкновенный человек*, «*настоящий человек*», *крестьянский тип*, *образ земского врача*, «*человек в футляре*» и т. п. В рамках структуры текста и жанрового канона вычлняются *протагонист* и *антагонист*, *авторский идеал* и *положительный персонаж*, *заглавный герой* и *второстепенный персонаж*, *действующее лицо*, *сатирический тип* и т. п. Если главным героем произведения выступает животное или растение, природная стихия, то все равно этот персонаж *наделяется человеческими чертами* или, по крайней мере, *рассматривается глазами человека*, оценивается им. В современном литературоведении существует термин *духовный реализм*.

Нам представляется, что к великому множеству исследовательских подходов к проблеме авторской поэтики можно добавить еще один, никогда прежде не выдвигавшийся как самостоятельный раздел авторской поэтики. Это *антропологическая поэтика*, предметом изучения которой стал бы человек во всей совокупности проявлений его характерных свойств.

На примере сочинений Есенина и рассмотрения его жизни как первоосновы творчества попробуем установить общие закономерности и уловить отдельные частности антропологической поэтики писателя.

Ведущую направленность внимания каждого писателя к человеку, сосредоточенность художественного мышления на человеческой личности осознавали, вероятно, все литераторы. Современник и близкий знакомый Есенина в автобиографическом сочинении «Алексей Ремизов о себе» (1923) рассуждал о сущности творчества:

В романах основной вопрос о судьбе, о человеке и о мире: о человеке к человеку и о человеке к миру.

— Что есть человек человеку?

— Человек человеку бревно, стена — человек человеку подлец — человек человеку дух-утешитель.

— Человек в вечном круге мирового мира, вечная борьба человека с мировым хором за свой голос и действие ².

Лингвист О. Н. Трубачев в конце XX столетия рассуждал об «*антропоцентрической картине мира*» ³, заметной уже в культуре древних славян. Тем более со временем *антропоцентричность мировоззрения* русского народа возрастала, и пик ее выражения нашел себе место в художественных произведениях писателей.

Уже в фольклоре, в частности — в жанре частушки, по меткому наблюдению А. В. Кулагиной, «в системе сравнений важное место занимают *сравнения из мира человека*, которые делятся на *семейные, национальные, социальные, бранно-шутливые*» ⁴.

Феномен человека проявляется в многослойности исторического и культурного развития. Он вписан в конкретную социальную среду современности, обусловлен многовековыми традициями и подготовлен глубинной памятью народа. Феномен человека зеркально отображен и многократно повторен в различных преломляющих плоскостях: так, если в свете христианства человек является подобием Божиим, то человеческий облик способны принимать «низшие существа», духи стихий и построек. Верным будет и обратный тезис: как «высшая мера идеализации — обожествление» ⁵, так и *олицетворение* — способ *идеализации человека*. Именно человек возвеличивается посредством олицетворения предметного, вещного мира.

Феномен человека представлен во множественности этнических и национальных типов. Различными по своей мировоззренческой сути, бытовым установкам и привычкам являются социальные типы горожанина и поселянина. Дальнейшая персонификация человека идет по пути конфессиональности и профессионализма.

Любой человек имеет статусные черты: он обладает телом, у него есть душа. «*Поэтизация телесности*», рассматривающая авторские методы и механизмы описаний человеческого тела и его элементов наравне со структу-

рой всего организма, и *символика «телесной души»* выступают подразделами «антропологической поэтики». Современники Есенина воспевали тело как апофеоз творческого созидания и приближения к божественному совершенству. Так, Ф. К. Сологуб писал в статье с «говорящим названием» о художественной выставке «Полотно и тело» (1913): «Люблю тело. Свободное, сильное, гибкое, обнаженное, облитое светом, дивно отражающее его. Радостное тело. (...) Изобразить обнаженное тело — значит дать зрительный символ человеческой радости, человеческого торжества. Красочный гимн, хвала человеку и Творцу его, — вот что такое настоящая картина нагого тела»⁶.

Философия жизни и смерти прослеживается в поэтике телесности. В теоретическом плане будут рассмотрены такие важнейшие проблемы, как: 1) наличие у человека фигуры как конституционного признака; 2) разнообразные мифологические трактовки происхождения человеческого тела от природных реалий; 3) очеловечивание космических и иных (по преимуществу растительных) объектов посредством придания им очертаний человеческого тела, поэтически представленного в сюжетной линии своими отдельными деталями; 4) отбрасывание человеческим организмом тени, также обладающей аналогичными составными силуэтными частями; 5) признаки сходства и различия в телесной организации у человека, зверей и птиц; 6) наделение божественных персон определенными чертами человеческой и звериной телесности; 7) улавливание телесной образности в литературной терминологии и возвращение ее к исходному осмыслению и т. д.

Рассмотрение сочинений Есенина под углом зрения «телесной поэтики» будет осуществляться двояким способом: 1) от градации составляющих человеческого тела по вертикали сверху вниз — голова, торс, руки, ноги; 2) до изучения фигуры персонажа в совокупности ее частей, вероятно, отличающихся по своему набору у человека, бога, святого, астрального персонажа, стихийного духа, зверя, птицы, растения, тени.

Возникает ряд основополагающих для поэтики телесности вопросов. Происходят ли сугубо телесные метаморфозы с героями Есенина и за счет чего они осуществляются? Как видоизменяются органы тела при реинкарнациях и перевоплощениях персонажей? Зависит ли приобретение одушевленности небιологическим объектом от придания ему души либо персонификация происходит каким-то другим способом?

Заложено ли жизнеутверждающее начало или, наоборот, гнетущее чувство близящейся и неизбежной смерти, добровольной гибели в органической природе человека? Исходят ли от каких-либо частей тела ощущения радости, печали? Каково взаимовлияние духа и плоти; в каком соотношении находятся душа и тело? Вставала ли перед Есениным извечная проблема первичности души и плоти, духа и материи, и как он ее решал в своем творчестве?

Анализ поэтики телесности ведет к изучению вопросов организации поэтической структуры на различных уровнях: 1) лексико-семантическом (установление понятийного аппарата «телесности», определение фольклорных,

литературных и сугубо авторских наименований и др.); 2) морфологическом; 3) на уровне художественных тропов (метафоризация объектов, уподобление, сравнение).

Можно проследить хронологию стилистического изменения телесной образности: от близкой к фольклору на ранних этапах есенинского творчества до сложной метафорической в поздний период. Интересно сопоставить народно-поэтическую терминологию телесности, которая проявлена в частушках с. Константиново начала XX столетия, собранных и опубликованных Есениным в 1918 г., с «телесно-терминологическим» рядом, вычленяемым из совокупности художественных произведений поэта.

Тема одежды в творчестве Есенина актуализирует самостоятельный комплекс аспектов: продолжая и трансформируя линию «телесной поэтики», она ведет человеческое тело от категории «раздетости» к «одетости» и от переодевания к преобразению сущности. Одежда является исконной и зримой принадлежностью человека, исключительным критерием антропоморфности. И если художественная поэтика (фольклорная либо литературная) представляет одетым какое-либо изначально нечеловеческое существо, она тем самым очеловечивает его и причисляет к антропоморфным типам.

Одежда — как объект поэтики — широко и многогранно представлена в творчестве Есенина. Одежда как непрменная атрибутика человека является знаком цивилизации, свидетельствует о культурной традиции вообще и о принадлежности ее носителя к конкретной эпохе и социальной среде. Одежда подчеркивает общественное начало в человеке, обозначает его сословную принадлежность, обнаруживает и обнажает социальную роль. Одежда соответствует этническому типу в его региональной и узколокальной вариативности. Одежда непременно отвечает полу и возрасту человека, определяет его семейный статус, высвечивает родовые корни. Одежда способна подчеркивать индивидуальность или, наоборот, маскировать человека, лишить его узнаваемости.

Семантическое поле «одежды», присутствующее в сочинениях Есенина, накладывается еще на два разнородных круга «одежной парадигмы»: 1) на присутствующее в фольклорных произведениях с. Константиново и — шире — Рязанской губ. начала XX века (особенно интересно сопоставление с частушками, записанными самим поэтом); 2) на отмеченное современниками разнообразие одеяний Есенина, в тех или иных (часто литературных) целях сменившего множество костюмов.

Человек разговаривает («Я тебе человеческим языком говорю!» — народное выражение укоризны) и жестикулирует, совершает поступки и отправляет обряды. Человеческие действия подчинены этикету — с одной стороны, и самостоятельны — с другой. Человеческая индивидуальность проявляется на уровне частного воплощения феномена человека, оказывается его инвариантом, алломорфом — если применить этнологическую терминологию.

Всякий человек проходит жизненный путь: рождается, наделяется именем, проживает на «малой родине», переселяется, совершает путешествия,

женится, обзаводится детьми, занимается творческой деятельностью. Переломными моментами в жизни человека оказываются свадьба и рождение детей: этим художественно-философским проблемам в сочинениях и «жизнетексте» Есенина посвящены две «антропологических темы» — свадьба и образ ребенка в творчестве и жизни поэта.

На примере «*детской тематики*» в сочинениях Есенина и его собственной жизни мы проследили особенности реализации своеобразного «детского кода» в психологии художественных героев и их автора. Этот «детский код», являющийся сюжетообразующим фактором в линиях детства, пунктиром прошел почти по всем произведениям Есенина, становясь особенно ощутимым и наглядным в кульминационные моменты, которые могут быть приравнены в смысловом и формальном выражениях к инициации героя, хотя и не сводятся всецело к ней.

Детство — это начало биографии любого человека, это задатки будущего взрослого поведения и ментальности, зачатие и задел собственной судьбы. Рассмотрение всей (или почти всей) совокупности проявлений проблематики детства в «жизнетексте» Есенина показывает, что хронологически тематика детства укладывается в рамки от зачатия ребенка до его взросления и инициации (пусть символической), зеркально отражается во взрослом восприятии психологии ребенка и в остатках детскости (но не инфантильности!) в поведении взрослого.

На онтологическом и гносеологическом уровнях сосуществуют мужчина и женщина — маскулинное и феминное начала как полярные элементы двух культурно-символических рядов, обладающие собственными ценностными ориентациями и установками. В конце XX века социологи и этнографы сделали первые подступы «к идее о необходимости различать биологический пол (sex) как совокупность анатомических особенностей и социальный пол (gender) как социокультурный конструкт, который детерминирует не только стиль одежды или поведения, но и — через определенную систему социализации и культурные нормы — психологические качества (поощряя одни и третируя другие), способности... виды деятельности, профессии и т. д.»⁷

Мир наполнен мужскими и женскими предикатами даже там, где речь не идет о представителях того или иного пола. Так, цивилизация и природа, божественное и профанное, небесное и земное, рациональное и чувственное через существующий культурно-символический ряд и посредством подключения к определенному коду отождествляется с «мужским» и «женским». Рассмотрение *традиционных мужских ментальных и поведенческих стереотипов* в жизни и творчестве Есенина представляет еще одну грань «антропологической поэтики».

Человек познается через «формы поведения», носящие в определенной степени знаковый характер. Современные литературоведы, опираясь, в первую очередь, на достижения психологов, в самом расширительном смысле трактуют поведенческие манеры и жестикуляцию: «Среди условных знаков

выделим, во-первых, знаки-“пароли”, четко, лаконично дающие информацию о человеке, во-вторых, приметы, по которым угадывается принадлежность человека к определенному социальному кругу или сословию, а в-третьих, значащие движения и жесты лица, облеченного властью, смысл которых понятен только приближенным... Для одного человека, говоря далее, детали поведения другого лица могут стать явным знаком, не будучи таковым для их носителя...»⁸ Однако конкретный человек с присущим только ему стилем поведения не вписывается в узкие рамки логических трактовок: «Вместе с тем семиотика применима к изучению форм поведения лишь с ограничениями: во-первых, формы поведения могут и что-то скрывать... а во-вторых, всецело знаковое поведение лишает человека естественности, открытости, свободы...»⁹

Уже прижизненная (и посмертная) *включенность фигуры Есенина в русский фольклор*, просматривающаяся во многих устно-поэтических жанрах (паремии, былички, страшные гадания, антропологические предания, анекдоты, песни), демонстрирует образ писателя как «народный тип», «национальный типаж», что также относится к сфере «антропологической поэтики».

Из начального церковно-приходского образования Есенин усвоил, что в Библии даже *земля олицетворена* — в буквальном смысле она *наделена собственным лицом*. После убийства Каином брата Авеля ему следует наказание от обоготворяемой Земли: «И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» (Быт. 4: 11); Каин говорит Богу: «Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь...» (Быт. 4: 14).

Из разговоров родных и односельчан с. Константиново Рязанской губ. Есенин с детства знал, что человеческой личности уподоблены стихийные духи в антропоморфном обличье. Антропоморфизмом фольклорно-этнографического восприятия наделены огненный змей, домовый, леший, водяной, русалки. Суждение о *человекоподобии сверхъестественных существ* Есенин мог встретить в статье «О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1859 г.)» уважаемого им филолога Ф. И. Буслаева, на чьи труды он опирался при подготовке «Ключей Марии» (1918): «Как существа стихийные, все эти *мифические лица* могли предшествовать образованию *нравственных, определительных характеров* в типах высших божеств; но могли они быть и остатком, который в памяти народа сохранился от этих *человекообразных идеалов*. Таким образом, господство вил, дивов, русалок в народном эпосе может означать не то, чтоб в верованиях народа не успели еще сложиться более крупные *мифологические личности*, но — что эти личности не получили более определенных форм в поэзии эпической и потому со временем забылись, оставив по себе своих *спутников*, эту, так сказать, собирательную мелочь народной мифологии»¹⁰.